

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.13>

UDC 81'282(470.45)

LBC 81.025.79(2Рос-4Вор)

Submitted: 21.12.2023

Accepted: 19.03.2024

ETHNOLINGUISTIC BONDS IN THE SPEECH OF THE DON AND UKRAINIAN DIALECTS OF THE VOLGOGRAD REGION¹

Nataliya A. Tupikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article substantiates a comprehensive approach to defining the concept of ethnolinguistic bonds, characterizes the connection with the subject, the object of research within the framework of the problem posed, which is relevant for the anthropocentric paradigm of scientific knowledge. Taking into consideration the methodological principles developed in cultural-and-linguistic dialectology and ethnolinguistics, on the basis of the analysis carried out upon the facts extracted from the recordings of the Volgograd region inhabitants' speech the author's vision of the extralinguistic and intralinguistic foundations of the concept under consideration is presented; its definition is proposed. The integrative techniques of ethno-linguistic unity fixation are described. They are manifested by the Don and Ukrainian dialects speakers (and their descendants) in the means, which comprise the peculiarities of dialect speakers' lexicon (monolingual and bilingual, monoethnors and biethnors) observed on the territories of mixed residence shared by the Don Cossacks and Ukrainian settlers and their descendants. These lexical bonds are classified. They are shown to reflect indirectly the universally significant realia of the surrounding world (people, objects, phenomena, processes and signs), as well as the traditions, represented in the collective cultural and historical heritage of the Slavic ethnic groups in the material and spiritual spheres of life on the territories of mixed residence. The peculiarities of interdialectal interaction in the formed speech continuum of the poly-Slavic society, who perceive themselves as Russian people, are determined.

Key words: ethnolinguistics, dialect speakers' language, Don dialects of the Volgograd region, Ukrainian dialects of the Volgograd region, ethnolinguistic bonds, lexis, functional semantics.

Citation. Tupikova N.A. Ethnolinguistic Bonds in the Speech of the Don and Ukrainian Dialects of the Volgograd Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 156-171. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.13>

УДК 81'282(470.45)

ББК 81.025.79(2Рос-4Вор)

Дата поступления статьи: 21.12.2023

Дата принятия статьи: 19.03.2024

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СКРЕПЫ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ДОНСКИХ И УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Наталья Алексеевна Тупикова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье с позиций комплексного, междисциплинарного подхода обосновано понятие *этнолингвистические скрепы*, охарактеризована его связь с предметом и объектом исследования в рамках поставленной проблемы, которая актуальна для антропоцентрической парадигмы научного знания. С опорой на методологические принципы, выработанные в диалектологии и этнолингвистике, а также на полученные результаты анализа массива фактов, извлеченных из записей речи жителей Волгоградской области, изложено авторское видение экстралингвистических и интралингвистических оснований рассматриваемого понятия, предложена дефиниция обозначающего его термина. Описаны интегративные способы фиксации этноязыкового единства диалектоносителей, реализуемые в речи донских казаков и украинских переселенцев (их потомков) средствами, составляющими специфику лексики диалектоносителей (монолингвов и билингвов, моноэтноров и биэтноров) на территориях смешанного проживания донских казаков и украинских переселенцев (их потомков), хохлацкого меньшинства. Дана классификация этих скреп; показано, что они опосредованно маркируют общезначимые реалии окружающей действительности (лица, предметы, явления, процессы, признаки), сложившиеся традиции, отражая коллективный культурно-исторический опыт славянских этносов в материальной и духовной сферах жизни населения. Определены особенности межъязыкового (междиалектного) взаимодействия в сформировавшемся речевом континууме полиславянского социума, представители которого осознают себя частью русского народа.

Ключевые слова: этнолингвистика, речь диалектоносителей, донские говоры Волгоградской области, украинские говоры Волгоградской области, этнолингвистические скрепы, лексика, функциональная семантика.

Цитирование. Тупикова Н. А. Этнолингвистические скрепы в речи носителей донских и украинских говоров Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 156–171. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.13>

Введение

Разработка проблем диалектологии с опорой на этнокультурные сведения и достижения современных междисциплинарных исследований способствует все более глубокому осознанию полифункциональной многоаспектности национального русского языка, в котором, с одной стороны, сообщество проявляет себя «на основе единства языка как средства общения» [Филичева, 1985, с. 55], а с другой – реализует коммуникативные возможности «в реальных типах объединений носителей языка и их соотносительности друг с другом в условиях определенной исторически сложившейся языковой ситуации» [Филичева, 1985, с. 55]. Современная диалектная макросистема, существуя в устной форме, не лишена «подвижности и изменчивости ее элементов... из-за развития средств связи, взаимодействия с литературным языком, соседними диалектами и местными языками» [Сороколетов, Кузнецова, 2006, с. 533]. Речь диалектоносителей, для которой характерно совмещение элементов разных страт, изобилует явлениями интегративного порядка, что, можно сказать, прогнозирует использование своеобразных скреп, фиксирующих единое пространство общения. Особенности узуса в полиэтнических регионах, в том числе словоу-

потребление диалектоносителей, требуют специального исследования с учетом того, что в освоении территорий позднего заселения, к которым относится и Волгоградская область, ведущую роль сыграли восточнославянские народы.

Получение новых данных о взаимоотношении славянских диалектов, связи «психологии народа и соответственно его культуры», как пишет Т.И. Вендина, «дает возможность понять то, **что** является важным для языкового сознания человека» [Вендина, 2023, с. 218, 220]. Систематизация во времени и пространстве диагностирующих признаков «диалектной дифференциации Славии» решает задачи как «создания диалектологии народной культуры славян» [Вендина, 2023, с. 219], так и дальнейшего развития этнолингвистики, которая ориентирована на изучение различных сторон повседневных материально-бытовых занятий населения в комплексе с духовной составляющей, анализ диалектной вариативности, описание языка и культуры сообществ, испытавших влияние контактных традиций [Брысина, 2018; Власкина, Архипенко, Власкина, 2009; Харламова, 2009].

Смысловая составляющая речи диалектоносителей, отражая результаты практического освоения материального мира и ценностные приоритеты народа, в первую очередь,

детерминирована целями, лежащими за пределами продуцирования высказываний (экстралингвистические факторы). Однако в конечном счете ее важнейшая роль заключается в формировании непротиворечивой узуальной («физической» и культурной) среды взаимодействия представителей сложившегося континуума (интралингвистические факторы). Вопросы о том, какова истинная картина «языкового сознания человека традиционной духовной культуры славян со всеми ее сложностями и нюансами» [Вендина, 2023, с. 220] и какими средствами она выражается, становятся одними из главных в комплексном изучении народной культуры, народной психологии и народного языка [Березович, 2007; Ильина, 2015; Киклевич, 2020; Королькова, 2020; Крючкова, 2021; Осипова, 2023; Разина, 2018]. На базе новых достижений в данной области возможно заполнение лакун, существующих в разработке проблемы лингвистической реконструкции «портрета славянина». Обоснование понятия *этнолингвистические скрепы*, являющиеся целью нашей работы, вписывается в парадигму научных исследований подобного рода.

Материал и методы

Этнолингвистические скрепы выделяются в процессе анализа способов употребления языковых единиц, зафиксированных в *лексиконе диалектоносителей* (о термине см.: [Тупикова, Стародубцева, 2023, с. 51]), который выступает основой формирования содержательно-смысловых сегментов – тем в речи (текстах) диалектоносителей и семантико-смысловых блоков – микротем, отражающих информацию об отдельных звеньях предметного, духовного мира, практического опыта человека, используется как средство выражения моделей ситуаций и детализации компонентов микроситуаций, обозначающих действия, состояния, отношения, условия, обстоятельства, положение и т. д. кого-, чего-л. [Тупикова, Стародубцева, 2023, с. 52–53]. Лексикон диалектоносителей как объект анализа представляет собой фрагмент *языка региона*, который квалифицируется нами по совокупности следующих признаков: общность территории распространения и исторического развития в течение длительного времени; зак-

репленность в текстах, авторами которых выступают носители славянских диалектов (русского и украинского) в полиэтничном социуме; специфичность используемых узуальных средств (общезначимых, региональных) и индивидуальных способов обозначения реалий действительности в рамках сложившихся разновидностей языка и форм бытования местных говоров [Тупикова, 2008; 2013]. Учитывая влияние тенденций как дивергентного, так и конвергентного свойства, присущих любым процессам развития, следует считать актуальным выделение языковых средств, маркирующих значимые для традиционного уклада жизни носителей говоров факты и реалии, важные для организации повседневной деятельности отдельного человека и целых этнических групп населения, которая обеспечивает гармоничное существование членов коллективного сообщества на основе исторической памяти и сложившихся социально-культурных традиций межэтнического взаимодействия.

Предметом анализа является специфика словоупотребления диалектоносителей при выражении этнолингвистических скреп. В нашем понимании, *диалектоноситель* – носитель обиходно-бытовой речи, которая отражает общие особенности функционирования языка в его устно-разговорной, непринужденной, форме, включает региональные языковые черты, формируемые под влиянием местных говоров, а также объективных факторов социально- и культурно-исторического порядка, определяемых ключевой ролью языка титульной нации, длительным использованием диалектов в полиэтнической среде общения, межъязыковыми (междиалектными) контактами коренных жителей и переселенцев (их потомков), осуществляющих деятельность, связанную с традиционной (материальной и духовной) народной культурой.

Записи речи диалектоносителей – источник материала наблюдения – сделаны в экспедиционных условиях с помощью диалектологических методов собирания материала (интервьюирования различной степени стандартизации [Марченко, 2010]) и представляют собой фиксацию непринужденного разговора с информантами, цель которого – максимально приблизить опрос к неформальной беседе: организовать ее как воспоминание-рассказ

мемуарного характера или побудить собеседника на основе прямого опроса по методу открытого опросника к продуцированию высказываний с актуальной обиходно-бытовой информацией разной тематической направленности. В отличие от анкетирования (метода непрямого опроса информантов) записи такого рода, сделанные диалектологом в процессе непосредственного контакта с носителями говоров, содержат, по мнению специалистов, наиболее достоверные данные, являются, образно говоря, репрезентацией «пульсации языка» (Тимофеев, с. 12) в живых условиях существования. На важность такого источника указывал еще Е.Ф. Карский, подчеркивавший необходимость изучения народной речи: «Конечно, все преимущества за живой речью» [Карский, 1924, с. 10].

Материал, собранный диалектологическими методами, отражает речь носителей говоров – коренных жителей (русских, донских казаков) и переселенцев (украинского / хохлацкого меньшинства, потомков переселенцев), членов русско-украинских семей в пунктах смешанного проживания населения на территориях распространения донских говоров Волгоградской области. Проанализировано более 90 аудиозаписей, разных по продолжительности в зависимости от предложенного спектра вопросов, темы беседы и характера общения информанта с диалектологом (более 5000 минут звучания).

Целенаправленный характер бесед и опрос с элементами анкетирования позволили обеспечить охват разнообразных сфер жизни на всех этапах интервьюирования (от обращения, представления и предварительной, «паспортной», части опроса до сбора основной и уточняющей информации, завершения беседы) и, соответственно, определили разнообразие языкового материала.

В работе представлен междисциплинарный подход к описанию фактов, включающий исследовательские процедуры названных выше диалектологических методов, функционально-семантического анализа, применяемого для тематико-ситуативной сегментации текстов и лексико-семантической характеристики единиц словаря, а также этнолингвистический метод, основанный на внешнем и внутреннем сопоставлении культурно-языковых

явлений, маркированных в речи диалектоносителей «привязкой» к этносу и выраженных в этнокультурном компоненте значения лексем либо на уровне контекста, а также в элементах филологической и энциклопедической информации, вербализующей результаты материальной и духовной деятельности человека.

Результаты и обсуждение

Результаты анализа собранных фактов свидетельствуют о большой значимости сохранившихся в исторической памяти народа представлений, которые объясняются тесным соседством носителей близкородственных славянских языков (донских, то есть русских, и хохлацких, то есть украинских, говоров), и о функциональной активности соответствующих средств в речи диалектоносителей на территориях компактного проживания названных этнических групп населения Волгоградской области.

Обобщенная характеристика материала дает возможность рассматривать историкокультурный «контекст» как экстралингвистический фактор, который является своеобразным «триггером» полиэффекторного механизма продуцирования текстов и определяет действие интралингвистического фактора (о термине «эффектор» см.: [Ильин, 2012, с. 15, 337–338]), обуславливающего использование этнолингвистических скреп, содержание и выражение которых имеет свою специфику.

При всей дискуссионности вопроса о происхождении казаков и времени их расселения в Волго-Донском междуречье общим является мнение о влиянии на этот процесс, прежде всего, славянских этносов – русского и украинского [Рыблова, 2017, с. 91–94; Славянская энциклопедия, 2002, т. 1, с. 372–374; Энциклопедия казачества, 2007, с. 110]. Межэтническое взаимодействие выражается в традиционной культуре (жилище, предметах обихода, одежде, пище, верованиях и др.), в диалектных особенностях речи, где определяющим стал «славянский (и в первую очередь русский) фактор» [Рыблова, 2017, с. 91], он сыграл важную роль в сложении донских казачьих сообществ, казаки сохраняли свой быт, отличающийся от быта украинского [Энциклопедия казачества, 2007, с. 458]. По свидетель-

ству историков, вольные казаки-первопоселенцы, потомки главным образом русских и украинских крестьян, бежали в конце XV в. в низовья Дона, занимали территории по берегам его притоков, а к XVI в., закрепившись в Подонье, интенсивно заселяли городки в верховьях рек Хопер, Бузулук, Медведица и Иловля [Луночкин, 2017, с. 269]; с XVI–XVII вв. их общины по разным причинам стали активно пополняться выходцами с Украины – украинскими и запорожскими казаками, незначительное количество которых встречалось среди донского казачества и ранее [Рыблова, 2017, с. 93; Славянская энциклопедия, 2002, т. 1, с. 372–374]. В XVIII – начале XX в., как считают ученые, вместе с вхождением земель Войска Донского в пределы Российского государства формируется этническая группа казаков в составе русского народа и развивается «их своеобразная традиционная культура» [Рыблова, 2017, с. 92]; донские казаки как этнос выделяются «самобытной традиционной культурой и языковыми отличиями» [Луночкин, 2017, с. 270].

К наиболее крупным в прошлом украинским поселениям на территории современной Волгоградской области относятся те, которые были основаны в XVIII–XIX столетиях выходцами из Полтавской, Харьковской, Черниговской и других губерний [Воробьев, 2000; Маноцков; Супрун, 2010; 2017; Теркулов, 2010]. Они возникали на землях донских казаков или в бывших слободах на притоках Дона (в настоящее время: Большая Ивановка Иловлинского района; Мачеха, Семёновка Киквидзенского района; Сидоры, Михайловка Михайловского района и др.). Имеются данные, что украиноговорящие жители в таких анклавах, пунктах компактного проживания, могли составлять подавляющее большинство. Примером является слобода Сидоры (село Сидоры Михайловского района), основанная Сидором Никифоровичем Себряковым в 1730 г. при освоении территории «пустопорозжего» юрта городка Кобылянского. В слободе в 1897 г. проживало 2 912 чел. (99 %) украинцев – купленные и беглые крестьяне из Слободской Украины (то есть «свободной, незаселенной») (см.: [Славянская энциклопедия, 2002, т. 2, с. 557]), количество русских составляло 23 чел., прочих национальностей – 10 чел. [История – село Сидоры...].

В последние десятилетия, по мнению специалистов, украинское / хохлацкое население Волгоградской области существенно уменьшается и «находится в процессе интенсивной ассимиляции» [Супрун, 2010, с. 121–126; 2017, с. 337], что, прежде всего, сказывается на уровне владения диалектом в среде молодого поколения, которое не всегда позиционирует свою этническую принадлежность. Определенную роль в этом играет отрицательная коннотация, ранее не наблюдаемая при использовании прозвищного самоназвания *хохлы* (чаще с аканьем «хахлы») не украинским населением региона. Этнический ландшафт, как известно, меняется со временем под воздействием трех основных факторов: естественного движения населения, миграции в результате внешних событий, смены этнического самосознания в смешанных браках и тем самым «рассеивания» украинского населения среди других национальностей [Лобанова, 2008, с. 364–365]. В научных работах имеются данные о значительном сокращении за постсоветский период, между переписями (1989 и 2010 гг.), численности украинцев Волгоградской области; кроме того, наметился процесс этнического возрождения: так, впервые официально зафиксирована этническая группа, называющая себя казаками [Лобанова, 2008, с. 366–367; Смирнова, 2017, с. 297].

Наблюдения, обобщенные по результатам проводимого в течение последних пятнадцати лет опроса информантов на территориях бытования донских говоров в пунктах смешанного проживания этносов, свидетельствуют о том, что представители потомков первопоселенцев, или «коренного» украинского / хохлацкого населения (переселенцев из украинских губерний XVIII–XIX вв.), и «недавние» переселенцы, их потомки, в том числе члены русско-украинских семей, билингвы, сохраняют в народной памяти и передают из поколения в поколение семейные «легенды» об освоении «пустопорозжих» земель между Волгой и Доном, в Подонье.

Например, история появления села Большая Ивановка Иловлинского района в источниках излагается так: на заросшие берега реки Бердия в начале XIX в. в поисках плодородной земли приехали с Украины купцы, два брата Иваны Пузановы, и поселились в 20 км друг от

друга: старший брат Иван остался на обжитом месте, а младший облюбовал себе место выше по течению, на притоке Бердейки; впоследствии возникли два села – Большая и Малая Ивановки [Воробьев, 2000; Минх, 1900]. В рассказах опрошенных информантов – коренных жителей – действительные факты переселения переплетаются с предположениями, вымыслами и фантазиями, но почти всегда для этого имеется историко-культурная подоплека. Так, от «коренной» хохлушки мы услышали изложенную выше легенду как историю ее рода, прадедов (здесь и далее используется упрощенная транскрипция):

Наш дет Иван, вот што Иванафку назвали, по нём назвали. <...> А прошлый год, ой прошлый, да нонешний год. Ёот оно висной сабиралась с Ниной, ехала с Бванафки, ну эт зауаварились, зауаварились, она уаварит: «От, дураки, дураки, письма ни аставили». Ты скажи мне, мамка фсё уаварить, а я фсё ни верю: «Нина, да эт наш прадэт ехал, а другой уехал в Малую Иванафку. Там Малой Иванафкай назвали». У энтава было трое дитэй. Фсё мнэ папанька рассказывал. ...ну, он минэ рассказывал: «У нас эта, знаеш, украинцы, украинцы очёнъ хорошиэ люди, очён хорошиэ люди». Ёот у нас род! (с. Большая Ивановка).

В документально-краеведческих сочинениях народные предания и подлинные сведения соединяются органично в логике изложения. В частности, известно, что большинство сел получало свои названия по прежнему местонахождению. Так, село Мачеха образовано в память о той Мачехе под Полтавой, в которой жили в середине XVII в. украинские казаки, закрепленные за 2-й сотней Полтавского казачьего полка; в материалах полтавского архива факт переселения нашел образное отражение как сравнение с действиями злой мачехи, которая выгнала своих пасынков, вынужденных уйти в другие земли и обосноваться на новом месте [Администрация...; Маноцков; Стародубцева, Цивилева, 2010]. Жители современной Мачехи по-своему соединили подтвержденные факты и малодостоверные сведения:

[А почему Мачехой село называется?] Я так насколько знаю, украинскае пириисленцы, вот каторыи приехали <...> [Откуда приехали?] Ну, я точно ни скажу для Мачихи, но, думаю, шо с Палтаўс-

кай уубернии. Вот у нас сило за речкай было. Эта Зилёноўка. Так там выхоццы были ис Палтаўской уубернии. И ани дажэ ездили, ани большэ паддержывали свясь с родиной. <...> Ничево тут не было. И зимля аказалась довольна ниприветливой для первых пириисленцыф. Ну, чирназём-та чирназём, но дикая природа, ничиво не было. Нада было и с природай вести борьбу, а то так абжываца. Паэтаму вот и назвали, значит, Мачихай. [И в Полтавской губернии есть Мачеха] Есть и там Мачиха, и Зилёноўка есть там. <...> А вот речка у нас Мачиха. Тут лиуенда друуая. Тут кажут так, шо бул пириисленец, там жыл адин. Раньше на хуторах же. И вин там на хуторе там жыл. И жинка еуо там друуа была. А у йеуо была дочка. И мачиха вот ее или утопыла, или довела до такова састаяния, што она сама утопылась в этой рички. И с той поры значит, и назване этой рички Мачиха (с. Мачеха).

Легенды о первопоселенцах могут быть основаны на народной этимологии:

Они тут приихалы ни одни, потому шо одни они нэ можуть. Нахайловка – там 3–4 дома, үдэ я родылась. Посылылысь нахально сами соби. Они нахально, и Нахайловкой прозвали. Тоди их диты пидрослы, привизлы нивисток по хуторам, ти развылись там. А Мачиха – она фсэ-таки тут була давно, с Кубани казаки, донские казаки, были тут и рускыи (с. Мачеха).

История компактного поселения украинцев на новой территории часто имеет характер вольной трактовки фактов с элементами достоверной информации:

Мы вапще выхаццы с Украины. Палтафская область, Харькафская, мы бальшинство Сидоры – Палтафская область, Кабылякский район. 8 симей приехала. Из васеми симей абразавалась сило. <...> Ф Стараселье приехали. Часть людей сначала ф Стараселье жыли, а потом часть людей пирийехали ф Сидоры. Так они и рassiлялися, у рек, у лисоф, үде природа бауатая, звирьйо. <...> [А почему у вас Сидоры и Раздоры называются села?] Эта сазвучие проста. Сидоры – эта Сидар: у ниво Сидар, сын, Сидар (?) Сибрякоф. <...> И па Мидведицэ пасилились хахляцыйи хутара (с. Сидоры). [Изложено неточно: основал и заселил слободу украинскими первопоселенцами глава семьи, Сидор Себряков, сын которого, Михаил, позже, за военные заслуги получил земли и основал слободу на левом берегу Медведицы, дав свое имя новому поселению (слобода Михаила Себрякова, затем Ново-Михайловка) и со временем переселив туда 50 украинских семей. В 1856 г. переименована в Михайловку. – Н. Т.]

Причины переселения представителей этносов могут излагаться говорящими в прямой связи с известными трагическими страницами истории страны:

Як папа... як их раскулачылы, папу и маму, они пожанылысь, ну, они расказують, боуато они жылы, мноуа скотыны було, и дом боуатый бул, папа жэнився на маме, ходыв на Дурный пруд за ней. И в 30-м уоду тут кулаченье, не – в 29-м начали кулачить. Йих, ну, мий дедушка и бабушка, и дядь Петя поутикалы в Донбас, а папа з мамою прийихалы сюда в Семёноўку (с. Семёновка).

Исследуемый материал дает основания рассматривать культурно-исторический «контекст» как **экстралингвистический фактор**, который, отражая народную память, способствует фиксации в речи диалектоносителей, осознающих свою идентичность, таких особенностей межъязыкового (междиалектного) контакта групп населения, которые создают мотивационную базу специфического словоупотребления в данном полиэтническом континууме и обуславливают появление этнолингвистических скреп, выступающих способами репрезентации естественного и долговременного взаимодействия славянских этносов на одной территории, в процессе совместной материальной / духовной деятельности.

Содержание и выражение этнолингвистических скреп определяется действием **интралингвистического фактора** – интегративности, объединения в составе высказываний элементов, формирующих семантико-смысловое пространство лексикона, в котором находит закрепление коллективный культурно-исторический опыт представителей донских казаков и украинских переселенцев (их потомков) и который реализуется в единой речевой среде общения носителей говоров.

Первая часть термина *этнолингвистические скрепы*, обозначающего вводимое нами понятие, указывает на способ (*этнолингвистический*) представления содержательной стороны высказывания: соотносительность рассматриваемых явлений с традиционной народной культурой «в ее этнических, региональных и “диалектных” формах» [Толстая, 2007, с. 110] и на главный источник средств выражения этой культуры – язык, требующий соответствующих методов интерпретации и классификации ма-

териала [Толстая, 2013, с. 68–69]. Вторая часть термина (*скрепы*) включает слово, специальное использование которого уже утвердилось в лингвистических работах «в своем обычном значении, связанном с указанием на соединение чего-либо» [Красовская, 2013, с. 17]. Оно вызывает представление о выполняемой функции: будучи термином, принятым в деловой письменности, *скрепа* имеет дефиницию, в которой ключевым является сочетание *на стыке* (то есть на участке, где сходится что-л., пересекается): «Подпись должностного лица на стыках склеенных в столбец листов какого-л. документа» (СРЯ XI–XVII, с. 20). Сема ‘функция’ выходит на первый план при переносном использовании слова *скрепы* в составе рассматриваемого термина: «То, что скрепляет, соединяет, сплачивает» (СУ, т. 4, с. 237). Таким образом, речь идет о выражении в семантико-смысловой структуре терминологического сочетания *этнолингвистическая скрепа* семантических признаков ‘способ’ и ‘функция’.

В процессе анализа этнолингвистических скреп разграничиваются группы информантов:

1) представители малообразованной части населения, в основном старшего поколения (реже недавние переселенцы), которые выступают как носители донского или украинского говоров, обнаруживают в беседах недостаточное знание литературного языка титульной (русской) нации и пользуются в обиходно-бытовой речи, прежде всего, элементами своего диалекта, независимо от предлагаемого направления беседы; при этом говорящие хорошо понимают родственный славянский язык и осознают в некоторых случаях его сходство с родным или отдельные отличия;

2) члены русско-украинских, смешанных семей, потомки «коренных» жителей, речевое поведение которых зависит от возраста, образования, сложившихся правил общения между родителями и детьми, степени утраты связи с диалектной языковой средой (в том числе, в случаях обозримого времени миграции украинцев):

а) некоторые из них (активные билингвы) при изменении ситуации общения, в зависимости от предпочтений родителей, родственников, соседей, собеседников свободно переключаются с русского языка (говора) на украинский (хохлацкий говор);

б) другие (пассивные билингвы) в основном говорят по-русски, иногда с элементами донского говора, но в зависимости от темы беседы охотно переключаются на систему украинского / хохлацкого говора. Те и другие могут свободно объяснять, комментировать употребляемые кем-либо или существующие в практике общения лексические параллели;

3) жители сельских поселений, фактически утратившие связь с диалектной средой в силу образования, профессии, деятельности, семейных и брачных обстоятельств, оценки языковой действительности в координатах «культурное – некультурное», но осознающие этнические корни своих предков, что объясняет их предпочтение общаться с диалектоносителями (в том числе в семейном кругу) на русском языке и способность квалифицировать особенности говора в беседе с диалектологом.

Общая характеристика материала позволяет, с нашей точки зрения, говорить о том, что доминирующим средством реализации этнолингвистических скреп, фиксирующих культурно-языковое единство носителей славянских говоров (донских казаков и украинских переселенцев), выступает лексика обиходно-бытовой речи, сложившейся на русской (общеславянской) основе под влиянием устно-разговорной формы языка титульной нации и в контакте с обособленным, оторванным в своем развитии от материнской «почвы» украинским диалектом, который на территории бытования донских говоров Волгоградской области имеет признаки «разной степени сохранности» [Супрун, 2017, с. 337].

Данную особенность речи можно соотносить с тем фактом, что на современном этапе любой «диалект осложнен, “разбавлен” разного рода иносистемными явлениями» [Крысин, 2008, с. 18], к наиболее типичным сферам его использования относятся «семья и разного рода ситуации непринужденного общения односельчан друг с другом» [Крысин, 2008, с. 18]. Когда мы говорим о реализации этнолингвистических скреп, то имеем в виду определенную специфику словоупотребления представителей славянских этносов в сложившемся речевом пространстве.

Случаи сопряжения постоянных (статусных) и переменных (индивидуальных) призна-

ков этноязыковой характеристики индивидов, выявленные в процессе анализа массива фактов, дают возможность разграничить этнолингвистические скрепы, которые отмечены в текстах, отражающих речь монолингвов и билингвов.

1. Ключевой способ – контаминация этнонимов (их заместителей) в самоназваниях биэтноров, при которой зафиксировано использование стержневых и нестержневых средств идентификации личности, разграниченных в наших работах ранее (см. об этом: [Тупикова, Стародубцева, 2023, с. 54]):

а) окказиональное сочетание в словесном ряду официальных этнонимов либо официального и прозвищного этнонимов, употребляемых для самоидентификации говорящего, дифференцированное или недифференцированное противопоставление официального и прозвищного этнонимов для биэтнической характеристики диалектоносителя (первая и вторая группа информантов):

Украинка я, руская. У миня рэбята спрашывали, када са мной дружыли, чужые рэбята: «А какой ты нации?» <...> я им ўаварила, ўобщэм, **руская с украинским** (с. Большая Ивановка); [*Представьтесь, пожалуйста*] Симён Трафимывич, <...> **русский хахол** (с. Семёновка); Уже навирно **билшэ рускымы** считаемя, **чим уже хохлами** (с. Семёновка); Я вапще **хахлушка, я не казачка** <...> Но вапще в паспорти у миня была **украинка**. **Ни хахлушка – украинка** (х. Дьяконовский);

б) соединение официального этнонима и прозвищного самоназвания, указывающего на принадлежность билингва к определенному славянскому этносу, этнонима и оттопонимического прилагательного, называющего пункт проживания представителя этноса, отэтнонимического прилагательного и прозвищного этнонима, обобщенных и неопределенных характеристик биэтноров (вторая группа информантов):

[*А по национальности Вы кто?*] А нацыанальнасьць... Бох её знаит, хто: мать – **казачка данская**, атец – **украиниц, хахол** вот **мачишанский** (из с. Мачеха. – Н. Т.). Ну а вот я хто? **Митис с двух старон адин** [*Ну и как у вас в паспорте написано?*] А-а, **руская** (х. Калиновский); [*А казачьи корни или украинские?*] Нет, у нас, наверна, **больше украинские** по материнской линии, потому что нас всягда называли **хохлами** *почему-то*. [*А сами себя не относите к*

хохлам? Нет, я **русский человек** (х. Завязка). [*А в паспорте какая национальность у всех была?*] **Русский, русский. Хохол** – это не национальность. **Украинец** тут нет, писали всем, что **русский** (с. Сидоры);

в) включение этнонимов (официального / прозвищного) или их заместителей (оттопони-мических прилагательных, наречий образа действия и др. средств, выполняющих роль этномаркеров) в мотивирующий контекст речи монолингвального диалектоносителя, имеющего биэтничные корни или способного включаться в билингвальную ситуацию общения (вторая и третья группа информантов):

[*А в магазин пойдете, на каком языке будете говорить?*] Если продавец **хахлушка**, то и **па-хахлячи** (с. Сидоры); [*А по национальности Вы кто?*] Ну, написана **русский**, а так все **радитили**, все **разуавари-вали на украинском языке** (с. Сидоры); **Мать**, чит-вёртая систра, **хахлы** были. И атец, **атец русский** был, па-хахлачому ни разуаваривал. Вот я у хахлов сколько вот живу, а **па-хахлячи** я ни **разуавариваю** (х. Песчановка); Ну, у нас же какая-то **смесь**. Вроде бы и **по-украински**, и не **по-украински**. Называицца «**хахлы**» (с. Мачеха); Я **чистая казачка**. У вас (то есть в хохлацком селе. – Н. Т.) пражыла 50 лет. Никто мне ни тронул, ничиво. И паю вашим уоласам. Вот песни я **паю па-хахлячи**. Но **уаварю па-казачьи** (с. Сидоры).

2. Реализацией этнолингвистических скреп является «переключение» языкового кода, фиксируемое в многообразных сегментах высказываний – темах, микротемах, ситуациях, микроситуациях, раскрывающих материальную и духовную стороны жизни полиэтнического сообщества:

а) противопоставление единиц разнородных лексических подсистем славянских языков (говоров) и/или средств русской разговорной речи при почти полном «переключении» языкового кода в речи билингов, представителей двойственной, биэтничной идентичности, чаще в семейном общении (вторая группа информантов).

Ср. использование разных кодов для изложения одной и той же ситуации в рассказе информанта-биэтнора:

Значить, жылы, дык так: **батькови** отвечали **на русским языке**, а **матэри** отвечали **на украинском языке**. <...> Ну, если **ссора** яка-нибудь **произойдэ**, или **лаютяся**, то обязательно она по-своему, а вин по-своему. <...> И никауда друу друуу ни усту-

пали. Ни она никауда ни зауговорила **па-русски**, а он **па-хахлячи** ни зауговорил. Мы **отцу** отвечали **по-русски**, а **маме** отвечали **по-хахлячи**. И мама заставляла **уаварить «Вы»**. Если я на мать скажу: «Ну ты чё меня ни пускаиш на танцы?» – ана тауда на неде-лю запретит, потому шо «Вы». «Ты **чё** миня **тычиш**, ты чё “**Ты**”?»). А он уаварит: «Ну, ты, значить, совсем чужая, што они тибя на “**Вы**” **называют!**» (с. Мачеха);

б) точечное «переключение» кода в словесной ткани родного говора при немотивированном употреблении монолингвом отдельного инославянского элемента, маркирующем процессы межъязыкового (междиалектного) взаимодействия в полиэтнической среде общения (первая группа информантов):

Ткалы з конопэль. Коно́пли сиялы. Плёскинь бралы, на Бузулуке мочили. Возылы. А потом на тырныцю их тэрла. А потом ногамы йих мяли, а потом прялы. Станок був ткацкий. И ткалы. **Вотолы** ткалы, полотно ткалы, все ткалы. Ленту на той наткаиш и потом сшиваеш и получаеца **вотула**, получаеца **столешница** (с. Семёновка).

Приведенный контекст содержательно раскрывает фрагмент выделяемой в текстах темы «Исконные трудовые занятия в традиционном быту, хозяйстве. Ремесло. Ручное мастерство» на основе микротемы ‘этапы и процессы производства изделий / продуктов ручного труда в традиционном быту, хозяйстве’, в которой, наряду с ярко представленными равноуровневыми чертами украинского / хохлацкого говора, в том числе украинизмами *коно́плі (конопель)* – «конопля», *плоскінь* – «мужская особь конопли», *тёрница* – «мялка, трепалка для обработки конопли» (Авдеева, т. 1, с. 173; т. 2, с. 111, 228), наблюдается использование лексики донского говора: *ватола / вотола* – «толстая и грубая ткань из льна или конопли» (СГДВО, с. 67), этимологически восходящего к старорусскому диалектному *ватола / вотола / вотула* (Фасмер, т. 1, с. 358), и *столешник(-ца)* – «скатерть из дешевого материала» (СГДВО, с. 570), зафиксированного в современном диалектном употреблении;

в) ситуативное соединение лексических параллелей (эквивалентов или аналогов), выраженных средствами разных славянских языков (диалектов) в контексте (все группы информантов):

Мяуэньки пирожочки на чисту ситцеву **тряпочку** или на **рушничок** складайтэ, они пидходят. Тодди **оли** нальвайтэ, **подсолнечноу масла**, в сковоридку и берить ти пирожочки, яки пэрви слэпылы, и кидайтэ их, и до румяноу цвета (с. Мачеха); Саша патходит, я уварю: «Саш, ну, вот, **лук** пачистила, ищё какую-та **цыбулю** нада» (ст. Тепикинская); Сопствинна, у нас разницы мижду Мачихой и Семёнафкай **па увару, па мове** нет никакой (с. Мачеха);

г) комбинированное пересечение лексики междиалектной и языка титульной нации, выступающего общезначимым элементом речи представителей разных этносов, междиалектной лексики и средств, составляющих специфику отдельного славянского языка (диалекта), которое используются для выражения различных ситуаций материальной и духовной жизни населения (первая и вторая группы информантов):

[А чому вы кажете украинцы, украинцы, а в соседнем сели кажут хохлы. То як?] Ну, **хохлы!** **Це ж по-культурному пишеться украинцы**, а бильш пидходым до кубанских **казакив**, як они **балакають** (с. Мачеха); Я з нею 25 уодив прожыла. В одний **хати**. **Хата** её була маленькая така, **двухкомнатна**, там **флиуелёк** стоял (с. Семеновка); **Урупки** такие, ис кирпича **вылажывались** (с. Завязка); Они **кажуть**: «**Шукайте!**», **заховали** же невесту. Ну, **тоди** выводят. <...> **Посватали**, а потом **вечарына** собирается, молода ходе, приулашае по **слободи** дивчат (с. Семеновка); Свикрофь мне сварила **суп**, ни **суп**, ну, он называица **капусняк** па-українски (ст. Тепикинская).

Зафиксированная в контексте лексика разных частей речи (в украинской и донской огласовке) принадлежит к разным пластам и функциональным разновидностям: кроме общеславянской и общеупотребительной, представлены междиалектные (межъязыковые) единицы разной функциональной значимости: *вечерина / вечорина, грубка, казак / козак, суп, хата; балакать / балакати, казать / казати, шукать / шукати, (за)ховать / ховати; тоды / тоді*; лексика, соотносимая с подсистемой одного языка (говора): донского – *флигелёк, хохол*; украинского – *слобода, це, капусняк* (Авдеева, т. 1, с. 24, 54, 104, 151; т. 2, с. 205, 232, 252, 259, 298; СГДВО, с. 32, 74, 123, 229, 230, 591, 621, 624, 629, 633, 678; УРС, с. 30, 229, 241, 566, 579, 599, 604, 608, 628).

3. Этнолингвистические скрепы могут реализоваться на основе семантизация лексики в речи диалектоносителей (см.: [Тупикова, Стародубцева, 2022]).

Чаще это наблюдается в высказываниях второй группы информантов, которые являются потомками «коренных» жителей, рожденных в смешанных русско-украинских семьях, не утратили связи с основой родного языка (диалекта) и обладают способностью переключаются на систему донского или хохлацкого говора:

а) сопоставление на основе синонимичности внутриязыковых и эквивалентности межъязыковых (междиалектных) параллелей (вторая и третья группы информантов):

Свитанок – это **свитан**, это **ранок, рассвет, утро** (с. Сидоры); А то **дежá** – то **ночвы** у нас назывались (с. Семёновка); у хохлов **чаплэйка**, а у нас (казак. – Н. Т.) **цапальник** (с. Семёновка).

В контексте использованы внутриязыковые неполные синонимы (литературный и диалектный) и межъязыковые неполные эквиваленты: укр. лит. *світання, світанок, світан*, укр. диал. *ранок*, рус. лит. *рассвет, утро*; междиалектные полные эквиваленты: дон. диал. *дежá, цапальник / чапальник*, укр. диал. *ночви, чаплійка* (Авдеева, т. 2, с. 47, 165, 272; СГДВО, с. 136, 639, 645; СУ, т. 3, с. 1252; т. 4, с. 1023; УРС, с. 523);

б) гетерогенное использование русизмов и украинизмов, межъязыковых (междиалектных) параллелей разной функциональной значимости (литературной, разговорной диалектной лексики) как языковых переменных одного сложного кода, средств эквивалентной и/или дефинитивно-описательной семантизации с элементами энциклопедической информации и «наивного» метатекстового толкования, отражающего практический опыт говорящего (все группы информантов):

Ўот уси ж ваши уоршки, чи **чаплийки**, яки сковоридку беруть, **дэржатели** по-русски сейчас, а то **чаплійка** була. Якой мы блянци ж пэклы (с. Мачеха); Ну, шо **мамку** звали, она звала свою **бабу «нэнька»**, вот **матерь**, а папку она звала «**тато**» (с. Мачеха); **Капусту** люблю, девочки, змывайтэ водою <...> а еще лучше кипятком обдалы ей. Мы её называем **зилье, капусту** (с. Мачеха); ...**столешиник**, ну щас **скатерть, настильнык** (с. Семеновка); Печу,

я всё печу. <...> з хвасулею пичу, и с **тыквою** пичу, ну, с **уарбузами**, у нас по-хохлячи **уарбузы** (с. Семеновка); А **хыжыны** теперь же нэ вмае у мэнэ. Тож раньшы называлося **хыжына**. Як была **старая хата**, то называлась она **схыжына** была, ну или **кимнатка**. А в тый **хыжыне** стояло зэрно (с. Семеновка); А, **зыпка** была, диривяная **зыпка**, к потолку прыбывалы кольцо, на верёўке вешали <...> Па-хахлячи эт называлася **колыска** (х. Дьяконовский); [*А сина у вас где?*] А вон в **сараяе**. **Половни** называэця. **Сарай** только для сена. Да, для сена, **половэнь** называэця (с. Семеновка);

в) совмещение общих и частных, родовых, признаков, заключенных в значениях межъязыковых (междialeктных) параллелей, которые отражают различные этноязыковые коды носителей говоров, как средство пояснения контекстуального смысла слова-соответствия:

Диты вырослы **удачни**, як мы кажэм, **уарны** люды, отзывчивы, настоящи, пособляють ўсым (с. Мачеха).

Оценочное прилагательного *удачный*, толкуемое в русском языке как «вполне соответствующий требованиям» и используемое с украинской огласовкой флексии, выражает частную оценку в дифференциальном признаке ‘прагматическая, утилитарная оценка’ и выступает средством конкретизации контекстуального смысла украинского соответствия *гарний*, употребляемого в общеоценочном значении «хороший» (Авдеева, т. 1, с. 88; СУ, т. 4, с. 893; УРС, с. 106).

С точки зрения полевой функционально-семантической организации лексикона диалектоносителей, ранее рассмотренной в наших работах [Тупикова, 2013, с. 39–41], этнолингвистические скрепы могут быть представлены ядерными, приядерными, периферийными конститuentами названной структуры, что требует в перспективе дополнительной характеристики по признакам специализированности, регулярности употребления лексических средств, выступающих в функции этномаркеров.

Заключение

Проанализированные источники и языковые факты, зафиксировавшие словоупотребление диалектоносителей – представителей

этнически неоднородного континуума на территории бытования донских говоров Волгоградской области, позволили охарактеризовать факторы, способствующие формированию интегративных явлений в речи диалектоносителей и обуславливающие специфику речевого взаимодействия двух этнических групп населения – донских казаков и украинского / хохлацкого меньшинства, осознающего себя частью русского народа, отделяющего себя от нации украинцев по территориальному и этнокультурному признакам.

Особенности, наблюдаемые в речи разных групп информантов – сельских жителей обследованных населенных пунктов, носителей донского и/или украинского / хохлацкого говоров, биэтноров – членов смешанных русско-украинских семей, монолингвов и билингвов, предложено определять с помощью терминологического сочетания «этнолингвистические скрепы». В данном исследовании *этнолингвистические скрепы* – интегративные способы фиксации этноязыкового единства диалектоносителей, реализуемые в речи донских казаков и украинских переселенцев (их потомков) лексическими средствами, которые опосредованно маркируют общезначимые реалии окружающей действительности, отражая коллективный культурно-исторический опыт славянских этносов в сфере материальной и духовной деятельности на территории смешанного проживания населения.

Внеязыковые факторы создают предпосылки появления этнолингвистических скреп в речи диалектоносителей. Внутриязыковые процессы, связанные с контекстуальной реализацией системных связей лексических единиц – этимологически и/или функционально однородных либо неоднородных элементов подсистем родственных славянских языков (говоров), направлены на реализацию интегративных способов выражения значений, соединяющих в высказывании разную этнокультурную информацию о реалиях окружающей действительности (лицах, предметах, процессах, признаках) в неразделимое целое, что отражает непротиворечивую среду общения носителей донского и украинского / хохлацкого говоров в сложившемся речевом континууме.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/> («Этнолингвистическое исследование лексикона диалектоносителей на территориях бытования донских говоров Волгоградской области в пунктах смешанного проживания русских и украинцев»).

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/> («Ethnolinguistic study of the lexicon of dialect speakers in the territories of the Don dialects of the Volgograd region in the places of mixed residence of Russians and Ukrainians»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Администрация Киквидзенского муниципального района Волгоградской области. URL: <https://gakikv.ru/pages/o-raione.html>
- Березович Е. Л., 2007. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М. : Индрик. 600 с.
- Брыкина Е. В., 2018. Этнокультурный потенциал диалектного словаря // Вестник Костромского государственного университета. № 3. С. 164–167.
- Вендина Т. И., 2023. Онтология лингвистической карты. СПб. : Нестор-История. 452 с.
- Власкина Т. Ю., Архипенко Н. А., Власкина Н. А., 2009. Этнолингвистический словарь Дона: разработка концепции и создание базы данных // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2 (24). С. 467–471.
- Воробьев А. В., 2000. Поселения Волгоградской области. Волгоград : Станица-2. 240 с.
- Ильин Д. Ю., 2012. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX – начала XXI века: динамические процессы. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 408 с.
- Ильина Е. Н., 2015. Диалектная языковая личность в фокусе лингвистических проблем // Вестник Череповецкого государственного университета. № 2. С. 75–79.
- История – село Сидоры. Михайловский район. Волгоградская область. URL: <https://uistoka.ru/s-sidory/istoriya>
- Карский Е. Ф., 1924. Русская диалектология. Л. : Книгоизд-во «Сеятель» Е.В. Высоцкого. 172 с.
- Киклевич А. К., 2020. Культурная лингвистика – этнолингвистика – лингвокультурология: польский и русский опыт исследований // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 2 (март). С. 3–10. DOI: 10.20339/PhS.2-20.003
- Королькова М. Д., 2020. Материалы к словарю ремесленной лексики русских говоров (Присурское Поволжье) / ред. С. А. Мызников, Н. Л. Сухачёв. СПб. : ИЛИ РАН. 296 с.
- Красовская Н. А., 2013. Организация и функционирование диалектных антропоцентрических глаголов (на материале тульских говоров) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Курск. 43 с.
- Крысин Л. П., 2008. Введение. Активные процессы в русском языке конца XX – начала XXI века // Современный русский язык : Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М. : Яз. слав. культур. С. 13–29.
- Крючкова О. Ю., 2021. О возможностях корпусного изучения картины мира носителей традиционной народной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 21, вып. 2. С. 126–130. DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-2-126-130
- Лобанова Н. А., 2008. Этнодемографические особенности населения Волгоградской области // Вопросы краеведения. Волгоград : Изд-во ВолГУ. Вып. 11. С. 364–367.
- Луночкин А. В., 2017. Русские Волгоградской области // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 269–270.
- Маноцков Г. И. Старинные поселения по Бузулуку. URL: <https://volgokray.narod.ru/history/buzuluk.html> URL: <http://ukrvolga.seun.ru/poseleniya.html>
- Марченко Т. В., 2010. Особливості інтерв'ю при збиранні діалектного матеріалу // Анклавістика : збірник наукових праць. Горлівка : Вид-во ГДПШМ. С. 12–18.
- Минх Н. А., 1900. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Саратов : Тип. губерн. земства. 556 с.
- Осипова К. В., 2023. Севернорусская лексика пищи и питания в этнолингвистическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург. 633 с.
- Разина А. С., 2018. Этнолингвистические, этнодиалектные и лингвокультурологические словари как новый этап лексикографии // Вопросы лексикографии. № 14. С. 50–67. DOI: 10.17223/22274200/14/3
- Рыблова М. А., 2017. Донские казаки // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 91–94.
- Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия, 2002 : в 2 т. / авт.-сост. В. В. Богуславский. М. : Олма-Пресс. Т. 1. 784 с. ; Т. 2. 816 с.
- Смирнова В. А., 2017. Современные этнические процессы в Волгоградской области // Эт-

- нографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 297–298.
- Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д., 2006. Историзм как определяющий принцип «Словаря русских народных говоров» // Грани русистики: Филологические этюды : сб. ст., посвящ. 70-летию проф. В.В. Колесова. СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, С. 532–541.
- Стародубцева Н. А., Цивилева А. В., 2010. Возникновение украинских поселений на территории современной Волгоградской области в контексте истории колонизации Нижнего Поволжья // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 11–12 нояб. 2009 г.). Киев ; Москва ; Уфа : Изд-во Уфим. фил. МГУ им. М.А. Шолохова. С. 119–121.
- Супрун В. И., 2010. Коренное украинское население Поволжья и Подонья: от появления до перехода в статус скрытого меньшинства // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 11–12 нояб. 2009 г.). Киев ; Москва ; Уфа : Изд-во Уфим. филиала МГУ им. М.А. Шолохова. С. 121–126.
- Супрун В. И., 2017. Украинцы Волгоградской области // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 335–337.
- Теркулов В. И., 2010. Методологія анклавних досліджень // Анклавістика: збірник наукових праць. Горлівка : Вид-во ГДПШМ. С. 5–12.
- Толстая С. М., 2007. Толстовские чтения в Институте славяноведения // Славяноведение. № 2. С. 110–119.
- Толстая С. М., 2013. Постулаты московской этнолингвистики // Толстые Н. И. и С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М. : Ин-т славяноведения РАН. С. 67–82.
- Тупикова Н. А., 2008. Язык региона как объект научного исследования: задачи и перспективы // Теоретические и лингводидактические проблемы исследования русского и других славянских языков : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. А. Тупикова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 185–197.
- Тупикова Н. А., 2013. Основные подходы к структурированию лексикона диалектоносителей в пунктах смешанного проживания населения // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 4. С. 36–42.
- Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А., 2022. Способы семантизации диалектной лексики в региональной художественной прозе и устной речи диалектоносителей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 4. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.1>
- Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А., 2023. Лексикон диалектоносителей в этнолингвистическом аспекте: проблемы, задачи, методы исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 4. С. 48–61. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.4>
- Филичева Н. И., 1985. Языковая общность как лингвистическое понятие // Вопросы языкознания. № 6. С. 55–62.
- Харламова М. А., 2009. Этническая самоидентификация и ее показатели в диалектном тексте // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Т. 151, кн. 3. С. 281–287.
- Энциклопедия казачества, 2007 / сост. Г. В. Губарев ; ред.-изд. А. И. Скрылов. М. : Вече. 544 с.

СЛОВАРИ

- Авдеева* – Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области : в 2 т. Воронеж : Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та. Т. 1. 2008. 228 с. ; Т. 2. 2012. 307 с.
- СДГВО* – Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брыкина, В. И. Супрун ; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011. 704 с.
- СРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г. А. Богатова. М. : Наука, 2000. Вып. 25. 275 с.
- СУ* – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов. Т. 3. 1939. 1424 с. ; Т. 4. 1940. 1503 с.
- Тимофеев* – Тимофеев В. П., Тимофеева О. В. Диалектный словарь личности : около 11500 слов. Изд. 2-е, доп. Шадринск : Шадрин. Дом Печати, 2010. 595 с.
- УРС* – Украинско-русский и русско-украинский словарь. Харьков : Див, 2004. 576 с.
- Фасмер* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. 3-е изд., стер. СПб. : Азбука : Терра, 1996. Т. 1. 576 с. ; Т. 2. 672 с. ; Т. 3. 832 с. ; Т. 4. 864 с.

REFERENCES

- Administratsiya Kikvidzenskogo munitsipalnogo rayona Volgogradskoy oblasti* [Administration of the Kikvidzensky Municipal District of the

- Volgograd Region]. URL: <https://rakikv.ru/pages/o-raione.html>
- Berezovich E.L., 2007. *Yazyk i traditsionnaya kultura. Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture. Ethnolinguistic Studies]. Moscow, Indrik Publ. 600 p.
- Brysina E.V., 2018. Etnokulturnyy potentsial dialektного slovarya [The Ethnocultural Potential of the Dialect Dictionary]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], no. 3, pp. 164-167.
- Vendina T.I., 2023. *Ontologiya lingvisticheskoy karty* [Ontology of Linguistic Map]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 452 p.
- Vlaskina T.Yu., Arkhipenko N.A., Vlaskina N.A., 2009. Etnolingvisticheskiy slovar Dona: razrabotka kontseptsii i sozдание bazy dannykh [Ethnolinguistic Dictionary of the Don Region: Concept and Database Development]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of History, Philology, Culture], no. 2 (24), pp. 467-471.
- Vorobyev A.V. *Poseleniya Volgogradskoy oblasti* [Settlements of the Volgograd Region]. Volgograd, Stanica-2 Publ. 240 p.
- Ilyin D.Yu., 2012. *Toponimicheskaya leksika v tekstakh regionalnykh gazet kontsa XIX – nachala XXI veka: dinamicheskie protsessy* [Toponymic Vocabulary in the Texts of Regional Newspapers of the Late 19th– Early 21st Century: Dynamic Processes]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 408 p.
- Ilyina E.N., 2015. Dialektnaya yazykovaya lichnost v fokuse lingvisticheskikh problem [Dialectal Linguistic Personality in the Focus of Linguistic Problems]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], no. 2, pp. 75-79.
- Istoriya – selo Sidory. Mikhaylovskiy rayon. Volgogradskaya oblast* [History The Village of Sidory. Mikhailovsky District. Volgograd Region]. URL: <https://uistoka.ru/s-sidory/istoriya>
- Karskiy E.F., 1924. *Russkaya dialektologiya* [Russian Dialectology]. Leningrad, Knigoizd-vo «Seyatel» E.V. Vysotskogo. 172 p.
- Kiklevich A.K., 2020. Kulturnaya lingvistika – etnolingvistika – lingvo-kulturologiya: polskiy i russkiy opyt issledovaniy [Culturallinguistics – Ethnolinguistics – Linguoculturology. Polish and Russian Research Experience]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], no. 2 (March), pp. 3-10. DOI: 10.20339/PhS.2-20.003
- Korolkova M.D., 2020. *Materialy k slovaryu remeslennoy leksiki russkikh govorov (Prisurskoe Povolzhye)* [Materials for the Dictionary of Craft Vocabulary of Russian Dialects (Sura Volga Region)]. Saint Petersburg, ILI RAN Publ. 296 p.
- Krasovskaya N.A., 2013. *Organizatsiya i funktsionirovanie dialektnykh antropotsentricheskikh glagolov (na materiale tul'skikh govorov): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Organization and Functioning of Dialect Anthropocentric Verbs (Based on the Material of Tula Dialects). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Kursk. 43 p.
- Krysin L.P., 2008. Vvedenie. Aktivnye protsessy v russkom yazyke kontsa XX – nachala XXI veka [Introduction. Active Processes in the Russian Language of the Late Twentieth – Early Twenty-First Century]. *Sovremennyy russkiy yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian Language. Active Processes at the Turn of the 20th – 21st Centuries]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ., pp. 13-29.
- Kryuchkova O.Yu., 2021. O vozmozhnostyakh korpusnogo izucheniya kartiny mira nositeley traditsionnoy narodnoy kultury [On the Possibilities of Corpus-Based Study of the Worldview of Traditional Folk Culture Carriers]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of the Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], vol. 21, iss. 2, pp. 126-130. DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-2-126-130
- Lobanova N.A., 2008. Etnodemograficheskie osobennosti naseleniya Volgogradskoy oblasti [Ethnodemographic Features of the Population of the Volgograd Region]. *Voprosy kraevedeniya* [Questions of Local History]. Volgograd, Izd-vo VolGU, iss. 11, pp. 364-367.
- Lunochkin A.V., 2017. Russkie Volgogradskoy oblasti [Russians of the Volgograd Region]. Ryblova M.A., ed. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 269-270.
- Manotskov G.I. *Starinnye poseleniya po Buzuluku* [Ancient Settlements in Buzuluk]. URL: <https://volgokray.narod.ru/history/buzuluk.html>
- Marchenko T.V., 2010. Osoblivosti intervyyu pri zbiranni dialektного materialu [Peculiarities of Interviews When Collecting Dialect Material]. *Anklavistika: zbirnik naukovykh prac* [Anklavistika: Collection of Scientific Papers]. Gorlovka, Vid-vo GGPIIM, pp. 12-18.
- Minkh N.A., 1900. *Istoriko-geograficheskii slovar Saratovskoy gubernii. T. 1. Yuzhnye uezdy: Kamyshinsky i Tsaritsynsky* [Historical and Geographical Dictionary of Saratov Province.

- Southern Counties. Kamyshinskiy and Tsaritsynskiy]. Saratov, Tip. gubern. zemstva. 556 p.
- Osipova K.V., 2023. *Severnorusskaya leksika pishchi i pitaniya v etnolingvisticheskom aspekte: dis. ... d-ra filol. nauk* [Northern Russian Vocabulary of Food and Nutrition in the Ethnolinguistic Aspect. Dr. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg. 633 p.
- Razina A.S., 2018. Etnolingvisticheskie, etnodialektnye i lingvokulturologicheskie slovari kak novyy etap leksikografii [Ethnolinguistic, Ethnodialectal and Linguacultural Dictionaries as a New Stage of Lexicography]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography], no. 14, pp. 50-67. DOI: 10.17223/22274200/14/3
- Ryblova M.A., 2017. Donskie kazaki [Don Cossacks]. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 91-94.
- Boguslavsky V.V., ed., 2002. *Slavyanskaya entsiklopediya. Kievskaya Rus – Moskoviya: v 2 t.* [The Slavic Encyclopedia. Kievan Rus – Muscovy. In 2 Vols.]. Moscow, Olma-Press Publ., vol. 1. 784 p.; vol. 2. 816 p.
- Smirnova V.A., 2017. Sovremennyye etnicheskiye protsessy v Volgogradskoy oblasti [Modern Ethnic Processes in the Volgograd Region]. Ryblova M.A., ed. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 297-298.
- Sorokoletov F.P., Kuznetsova O.D., 2006. Istorizm kak opredelyayushchiy printsip «Slovyara russkikh narodnykh govorov» [Historicism as the Defining Principle of the “Dictionary Russian Folk Dialects”]. *Grani rusistiki: Filologicheskie etyudy: sb. st., posvjashh. 70-letiyu prof. V.V. Kolesova* [Facets of Russian Studies: Philological Studies. Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Professor V.V. Kolesov]. Saint Petersburg, Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta, pp. 532-541.
- Starodubtseva N.A., Tsivileva A.V., 2010. Vozniknovenie ukrainskikh poseleniy na territorii sovremennoy Volgogradskoy oblasti v kontekste istorii kolonizatsii Nizhnego Povolzhya [The Emergence of Ukrainian Settlements in the Territory of the Modern Volgograd Region in the Context of the History of Colonization of the Lower Volga Region]. *Ukrainistika v Rossii: istoriya, sostoyanie, tendentsii razvitiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva, 11–12 noyab. 2009 g.)* [Ukrainian Studies in Russia: History, State, Development Trends. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, Nov. 11–12, 2009)]. Kiev, Moscow, Ufa, Izd-vo Ufim. fil. MGGU im. M.A. Sholokhova, pp. 119-121.
- Suprun V.I., 2010. Korennoe ukrainskoe naselenie Povolzhya i Podonya: ot poyavleniya do perekhoda v status skrytogo menshinstva [The Indigenous Ukrainian Population of the Volga Region and the Don Region: From Emergence to Transition to the Status of a Hidden Minority]. *Ukrainistika v Rossii: istoriya, sostoyanie, tendentsii razvitiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva, 11–12 noyab. 2009 g.)* [Ukrainian Studies in Russia: History, State, Development Trends. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, Nov. 11–12, 2009)]. Kiev, Moscow, Ufa, Izd-vo Ufim. filiala MGGU im. M.A. Sholokhova, pp. 121-126.
- Suprun V.I., 2017. Ukraintsy Volgogradskoy oblasti [Ukrainians of the Volgograd Region]. Ryblova M.A., ed. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 335-337.
- Terkulov V.I., 2010. Metodologiya anklavnykh doslidzhen [Enclave Research Methodology]. *Anklavistika: zbirnik naukovykh prac* [Anklavistika: Collection of Scientific Papers]. Gorlovka, Vid-vo GDPIIM, pp. 5-12.
- Tolstaya S.M., 2007. Tolstovskie chteniya v Institute slavyanovedeniya [Tolstoy’s Readings at the Institute of Slavic Studies]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies], no. 2, pp. 110-119.
- Tolstaya S.M., 2013. Postulaty moskovskoyetnolingvistiki [Postulates of Moscow Ethnolinguistics]. Tolstoy N.I., Tolstaya S.M. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic Ethnolinguistics: Questions of Theory]. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN, pp. 67-82.
- Tupikova N.A., 2008. Yazyk regiona kak obyekt nauchnogo issledovaniya: zadachi i perspektivy [The Language of the Region as an Object of Scientific Research: Tasks and Prospects]. *Teoreticheskie i lingvodidakticheskie problemy issledovaniya russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov: sb. nauch. tr.* [Theoretical and Linguodidactic Problems of the Study of Russian and Other Slavic languages. Collection of Scientific Works]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 185-197.
- Tupikova N.A., 2013. *Osnovnye podkhody k strukturirovaniyu leksikona dialektonositeley v punktakh smeshannogo prozhivaniya naseleniya* [The Main Approaches to Structuring

- the Lexicon of Dialect Speakers in Mixed-Population Settlements]. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences], no. 4, pp. 36-42.
- Tupikova N.A., Starodubtseva N.A., 2022. Sposoby semantizatsii dialektnoy leksiki v regionalnoy khudozhestvennoy proze i ustnoy rechi dialektonositeley [Methods of Dialect Vocabulary Semantization in Regional Fiction and Converse of Dialect Speakers]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 4, pp. 5-19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.1>
- Tupikova N.A., Starodubtseva N.A., 2023. Leksikon dialektonositeley v etnolingvisticheskom aspekte: problemy, zadachi, metody issledovaniya [Lexicon of Dialect Speakers in the Ethnolinguistic Aspect: Problems, Methods, Research Objectives]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 48-61. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.4>
- Filicheva N.I., 1985. Yazykovaya obshchnost kak lingvisticheskoe ponyatie [Linguistic Community as a Linguistic Concept]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of Linguistics], no. 6, pp. 55-62.
- Kharlamova M.A., 2009. Etnicheskaya samoidentifikatsiya i ee pokazateli v dialektnom tekste [Ethnic Self-Identification and Its Indicators in the Dialect Text]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of Kazan State University. Humanities], vol. 151, book 3, pp. 281-287.
- Gubarev G.V., Skrylov A.I., eds., 2007. *Entsiklopediya kazachestva* [Encyclopedia of the Cossacks]. Moscow, Veche Publ. 544 p.

DICTIONARIES

- Avdeeva M.T. *Slovar ukrainskikh govorov Voronezhskoy oblasti: v 2 t.* [Dictionary of Ukrainian Dialects of the Voronezh Region. In 2 Vols.]. Voronezh, Izd.-poligraf. tsentr Voronezh. gos. un-ta, vol. 1, 2008. 228 p.; vol. 2, 2012. 307 p.
- Kudryashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I., eds. *Slovar donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don Dialects of Volgograd Region]. Volgograd, Izdatel Publ., 2011. 704 p.
- Bogatova G.A., ed. *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2000, iss. 25. 275 p.
- Volin B.M., Ushchakov D.N., eds. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., vol. 3, 1939. 1424 p.; vol. 4, 1940. 1503 p.
- Timofeev V.P., Timofeeva O.V. *Dialektnyy slovar lichnosti: okolo 11500 slov* [Dialect Dictionary of Personality. About 11,500 Words]. Shadrinsk, Shadrin. Dom Pechati, 2010. 595 p.
- Ukrainsko-russkiy i russko-ukrainskiy slovar* [Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian Dictionary]. Kharkov, Div Publ., 2004. 576 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Terra Publ., 1996, vol. 1. 576 p.; vol. 2. 672 p.; vol. 3. 832 p.; vol. 4. 864 p.

Information About the Author

Nataliya A. Tupikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russia, na_tupikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9217-8441>

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Тупикова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, na_tupikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9217-8441>